

Майкл Барбер

Фрагмент книги «Обучающая игра: аргументы в пользу революции в образовании» (М., Просвещение, 2007). Глава 9. Создание обучающегося сообщества 1: индивидуальные планы обучения.

Возможности домашнего обучения стремительно растут благодаря наличию компакт-дисков, таких, скажем, как мультимедийная энциклопедия Encarta фирмы «Майкрософт», и благодаря все более широкому доступу к Интернету. Эту тенденцию усиливает и растущее количество детей, родители которых являются выпускниками университетов. Имея дома заставленные книгами полки, эти дети увереннее учатся и не страшатся домашнего обучения. Мать, которая хотела бы, чтобы ее ребенок половину времени проводил в школе, а другую половину учился дома, можно расценивать как определенный символ. *Хотя все признают важность обучения дома, здесь также отсутствует какой-либо политический курс.* Конечно, в средних и некоторых начальных школах учителя дают домашние задания, но до последнего времени никаких указаний на этот счет со стороны правительства не поступало. Считается, что некоторым молодым людям очень трудно выполнять домашние задания из-за обстановки в семье. В прошлом некоторые учителя делали (а иногда делают и сейчас) отсюда вывод, что по соображениям справедливости будет лучше вообще не задавать домашних заданий. Это классический пример уравнивания худшего сорта.

Более позитивной реакцией являются усилия все большего числа школ, направленные на то, чтобы библиотеки и другие учебные центры были открыты в обеденный перерыв и/или после уроков. Некоторые школы даже открываются раньше: появление все большего числа утренних «клубов», особенно в городских школах, является обнадеживающим знаком. Даже в этом случае поощрение обучения дома и предоставление иных альтернатив носят случайный характер, и правительство пока что оставляет эту область на произвол рынка. Официальная позиция правительства сводится к тому, чтобы каждая отдельная школа сама решала вопрос о домашних заданиях.

Дэвид Бланкет, министр по делам образования и занятости, более прямолинеен в этом вопросе. Он пообещал, что лейбористское правительство установит минимальные требования в отношении размера домашнего задания, которое учащиеся разных возрастов должны делать каждый вечер. Нет нужды говорить, что эти предложения вызвали острую полемику. Его обвинили в создании лишней работы для учителей, во вмешательстве без необходимости в дела школ и посягательстве на территорию, на которой правительство не может навязывать свою волю. По сути, своим заявлением он предугадал то, что станет ключевым вопросом политики: *обучение дома играет столь важную роль в образовательном процессе, что правительство обязано проявлять к нему все больший интерес.* Во всяком случае, рассуждения о принуждении лишь вводят здесь в заблуждение. Правительство вправе пытаться формировать общие требования, тогда как родителям и членам правления школ, а не правительству, следует решать, выполняются ли эти требования в конкретной школе.

Проблема здесь состоит в том, что для значительной части детей выполнение домашнего задания является непростым делом. Обстановка дома

может быть шумной, безрадостной, нестабильной или напряженной. Чтобы это требование стало реальностью, нужно сделать доступными всем необходимые для этого возможности обучения. Нужно создать учебные центры как в школах, так и в других местах, которые были бы открыты для любого молодого человека из неблагополучной семьи. Возможно, придется также изыскать средства для того, чтобы обеспечить в каждом доме доступ к учебным ресурсам, в особенности к тем необыкновенным источникам информации, которые предоставляют современные технологии. Именно по этой причине лейбористское правительство пообещало профинансировать центры выполнения домашних заданий через проведение традиционных лотерей в середине недели.

До настоящего времени политика в области образования строилась на том допущении, что главное значение имеет школа, а все остальное можно оставить на волю случая. Если мы хотим создать настоящее обучающееся общество, это положение придется изменить. Политикам нужно будет воспринимать образование как состоящее из трех частей:

- обучение в школе;
- обучение в организованных вне школы местах;
- обучение дома.

Им нужно будет подумать над тем, как сделать все 3 части обучения доступными каждому молодому человеку, а не только тем, чьи родители имеют для этого желание и средства.

Обучение дома

Каждая семья, в которой есть дети подросткового возраста, хорошо знает, что такое обучение дома. Его всегда нужно учитывать в распорядке семейной жизни; оно становится головной болью для родителей, которым кажется, что они знают немного математику, но «уввы, в наше время все было не так»; из-за него родители вынуждены выключать телевизор и отправлять недовольных детей делать уроки.

Обучение дома важно. Энти Миллет, глава Агентства по подготовке учителей, приводит данные исследований, из которых следует, что *если школа придерживается строгой и хорошо спланированной политики в этом вопросе, то результат равносителен добавлению еще одного полного дня к учебной неделе; иными словами, выигрыш составляет 20%*. Некоторые школы считают, что эффект даже больше: он равносителен добавлению еще одного триместра к учебному году. Обучение дома стало еще важнее с появлением таких заданий, как курсовые работы. Иногда их связывают с введением в 1988 г. аттестата об общем среднем образовании, но появились они значительно раньше. Даже подготовка к экзаменам по программе средней школы на обычном уровне, о которых с тоской вспоминают традиционалисты, часто основывалась на курсовых работах. В начале 1980-х гг., например, я преподавал историю, готовя учеников к экзамену по этому предмету, и мои уроки на 50% основывались на курсовых работах. В этой ситуации занятия дома приобретали очень важное значение. Хорошие курсовые работы просто невозможно было подготовить на занятиях в классе. По сути, уроки становились консультациями учеников с учителем и друг с другом по поводу проделанной дома работы.

Поэтому важность домашней обстановки едва ли можно переоценить. *Ученик, у которого есть возможность усердно заниматься дома, имея для этого место, ресурсы и поддержку со стороны взрослых, добьется большего.* В частных школах, включая даже начальные и подготовительные, это хорошо понимают. Четыре дня в неделю восьмилетние ученики, придя домой, тратят от 30 мин до 1 ч на выполнение домашней работы. В государственном секторе ситуация не столь однозначная. Хотя написание курсовых работ сильно поощряется при подготовке к экзаменам на получение аттестата об общем среднем образовании, однако на более низких ступенях средней школы ученики не имеют регулярных домашних заданий, а в начальной школе их вообще не задают. В отчете OFSTED, опубликованном в 1995 г., говорится следующее:

В большинстве школ дают задания на дом. Там, где учителя, ученики и родители относятся к ним серьезно, они способствуют повышению стандартов... Большинство средних школ и четверть начальных школ... имели в своих правилах положение о домашних заданиях, но систематических и регулярных проверок выполнения этого положения не проводилось... и, следовательно, имеется немного данных об эффективности и значении домашних заданий.

Это едва ли можно считать одобрением. Школы в неблагополучных районах часто в оправдание своего неиспользования домашних заданий ссылаются на то, что семейные условия многих учеников просто не позволили бы им их выполнять. На первый взгляд это похоже на правду, но фактически подобная позиция наносит серьезный ущерб. По сути, она сводится к следующему: раз эти ученики по сравнению со своими товарищами и так поставлены в невыгодные условия, почему бы эти условия не сделать еще более невыгодными?

Если есть ученики, которым домашние условия не позволяют заниматься, а они есть, то нужно не отказываться от домашних заданий, а находить политические решения. Создание центров учебной помощи — одно из возможных решений. Как упоминалось ранее, некоторые школы сами осуществляют эту инициативу. Они создают условия для занятий учащихся в утренние часы, обеденный перерыв и после уроков. Вместо того чтобы склониться под давлением неблагоприятных социальных условий, в которых, несомненно, находятся многие учащиеся, эти школы принимают брошенный им вызов. Мужество этих школ перед лицом огромных трудностей потрясает и заслуживает уважения.

Однако в настоящее время любой ученик зависит от того, что ему выпадет в этой жизни — ходить в мужественную школу, в спасовавшую или во что-то среднее между ними? Если мы всерьез хотим создать обучающееся общество, мы должны добиться большего. Сеть центров учебной помощи, о которой говорилось в предыдущем разделе, была бы важным шагом вперед, но я сомневаюсь, что одного этого было бы достаточно. Думаю, вдобавок к этим центрам нам следует подумать об обеспечении учеников домашними учебными ресурсами.

Развитие техники достигло такого уровня, что это предложение стало вполне выполнимым. Нужна лишь реалистичная политика для его осуществления. Учтите, что в обозримом будущем каждый дом в нашей стране будет подключен к волоконно-оптическим сетям. Учтите также, что цена

программного и аппаратного обеспечения снижается постоянно и сравнительно быстро. Наконец, учтите тот факт, что энциклопедия «Британника» уже доступна на компакт-дисках. Сейчас вполне можно представить себе следующий разговор между учителем и учеником.

Ученик: «Я не мог сделать домашнее задание, сэр. У нас дома нет никаких книг».

Учитель: «Нет, есть. У вас есть энциклопедия «Британника».

А какое-то время спустя ответ учителя мог бы быть еще более весомым: «Нет, есть. У вас есть Библиотека Конгресса».

В результате обучение дома может стать более продуктивным, чем когда-либо прежде. *Система индивидуальных планов обучения будет поощрять родителей оборудовать в своем доме место для учебы. Однако все равно будет немало и таких родителей, которые не захотят или не смогут этого сделать.*

Система индивидуальных планов обучения будет оказывать давление и на тех родителей, которые, несмотря на свои возможности, не захотят в этом участвовать, но нам нет смысла себя обманывать. И в новом тысячелетии останутся родители, которых не заботят их дети, которые бьют их и жестоко обращаются с ними и наносят им такие эмоциональные травмы, что занятия дома становятся практически невозможными. Одной образовательной политикой таких проблем не решить, но можно как-то смягчить их. Например, можно было бы назначить общественного или профессионального наставника каждому ребенку, чьи родители не проявляют интереса к его индивидуальному плану обучения, и дать семейного наставника тем родителям, которые хотели бы помочь своим детям, но не знают как.

Такого рода проекты уже возникают на местах, и они имеют смысл, хотя, конечно, никакими политическими мерами нельзя в полной мере заменить любовь и поддержку семьи. К счастью, родителей, разрушающих жизнь своих детей, очень мало. Значительно большую группу составляют те, кто хотят помочь своим детям, но не имеют для этого средств. Такие родители с энтузиазмом будут участвовать в обсуждении индивидуальных планов обучения своих детей; они будут стремиться сделать для них все возможное. Однако размер их доходов не позволит им снабдить свой дом всеми необходимыми учебными ресурсами. Учитывая данные обстоятельства, следует подумать о введении ученического кредита на учебные ресурсы (PLRC — Pupil Learning Resources Credit). Эти кредиты находились бы в распоряжении школы и могли быть потрачены только на приобретение каким-то конкретным учеником домашних учебных ресурсов, таких, как книги, компакт-диски, образовательные программы, а также, возможно, иногда на проведение дополнительных индивидуальных занятий. Кредит мог бы быть потрачен только после того, как родители и учитель официально согласуют между собой, что следует на него купить. Эти соглашения достигались бы в ходе обсуждения индивидуального плана обучения. Кредит усиливал бы позицию родителя и придавал этому обсуждению острый характер.

Данные кредиты должны быть адресными, а не общими. Их следует предоставлять родителям самых необеспеченных детей, которых сейчас около 4 млн. Уровень кредита должен зависеть от доходов родителей. Если даже при ограничениях кажется, что он потребует непомерно БОЛЬШИХ затрат, приведем некоторые цифры. Кредиты в 250 фунтов стерлингов в год на одного ребенка,

выплачиваемые родителям 4 млн. самых необеспеченных детей, составили 1 млрд. фунтов стерлингов. Пособия на детей составляют 6 млрд фунтов стерлингов в год. Если их обложить налогом — не уменьшить, а обложить стандартным налогом, то мы получили бы достаточно денег для выплаты указанного количества кредитов и для финансирования центров учебной помощи, о которых шла речь в предыдущем разделе. Фактически же обеспечение кредита для 4 млн. детей является проявлением излишнего милосердия. Помощь 2 млн. самых необеспеченных детей уже была бы важным вкладом и потребовала бы лишь 500 млн. фунтов стерлингов. Более благополучные родители должны были бы тратить по крайней мере столько же денег на собственного ребенка, а при желании они могли бы выплачивать эту сумму школе, которая распорядилась бы ею как кредитом для их ребенка. Иными словами, расходуя 1 млрд. фунтов стерлингов государственных денег, правительство могло бы направить 2 – 3 раза большую сумму на непосредственное удовлетворение образовательных потребностей детей и молодежи. В том случае, если бы правительство не пожелало трогать детские пособия, стоит напомнить расчеты Клауса Мозера, согласно которым при увеличении нынешней доли национального дохода, затрачиваемой на образование, до уровня середины 1970-х гг. она составила бы не 1, а 3 млрд. фунтов стерлингов. Если бы к этим дополнительным расходам добавилось прогрессивное перераспределение общих ходов на образование в пользу школ в неблагополучных районах, это помогло бы повысить стандарты.

Обучающееся общество не может финансироваться из одних лишь государственных источников. Правительству нужно постоянно изыскивать такие способы целевого использования государственных денег, которые способствовали бы привлечению частных средств. То, как демократическое общество расходует свои деньги, отражает его приоритеты. Выделение 1 млрд фунтов стерлингов на намеченные мной цели было бы убедительным свидетельством нашего серьезного намерения создать обучающееся общество.

10 возражений и 10 ответов на них

Я опробовал свои идеи из этой главы еще на одной или двух аудиториях, помимо Конференции Северной Англии в 1996 г. Поэтому я хорошо представляю возможные возражения. Хотя уже при изложении своих доводов я отвечал на некоторые потенциальные возражения, однако имеет смысл в суммарном виде представить вероятную критику моих идей и мои ответы на нее.

Возражение 1. *Вам никогда не удастся заставить родителей принимать участие в осуществлении индивидуальных планов обучения.*

На самом деле большинство родителей при содействии школы и правительства и под их взаимным влиянием будут в этом участвовать. Некоторые школы, включая и школы в неблагополучных районах, уже успешно осуществляют нечто подобное тому, что предлагаю я. В тех немногих случаях, когда родители действительно не будут принимать в этом участия, интересы ребенка необходимо ставить на первое место. Если родители постоянно отказываются уделять внимание учебе ребенка, следует назначить общественного или профессионального наставника, который заботился бы о его интересах и, возможно, помог изменить отношения в семье. Там же, где

родители оказывают деструктивное влияние на своих детей, система IPR с большей, а не с меньшей вероятностью будет подталкивать социальные агентства к принятию мер.

В Гринвудской начальной школе, расположенной в старой части Ноттингема, была введена система домашних заданий и система договоров между школой и семьей, а также родителей обязали встречаться с классным руководителем 3 раза в год. Школа принадлежит к неблагополучному району, где свыше 50% семей получают социальную помощь

Тем не менее сейчас все родители участвуют в этой программе. В школе «Фэр Фарлонг» в Бристоле, находящейся в сходных условиях, 99% родителей посещают родительские собрания.

Никто не говорит, что будет легко добиться такого повсеместно, но приведенные примеры доказывают, что это возможно. В любом случае вопрос ведь в том, что лучше для детей и обучения в целом — система IPR или нынешнее состояние неразберихи. И ответ на данный вопрос очевиден.

Возражение 2. Мы уже делаем это.

Удивительно, но некоторые люди, выдвигающие возражение 1, выдвигают и возражение 2. В реальности описанного мной пока еще нет, хотя некоторые школы движутся в данном направлении. Однако, если школам удастся добиваться участия родителей, используя передовые идеи и приемы, это наводит на мысль, что предлагаемое мной более реалистично, чем полагают скептики.

Возьмем, к примеру, Бёрнвудскую школу для девочек в Уондзуорте, о которой в правительственном докладе, опубликованном в 1996 г., говорится следующее:

В письменном соглашении, подписываемом каждой новой ученицей, ее родителями и директором, официально формулируются права и обязанности всех сторон. Основу этого соглашения составляет твердая вера в права учащихся и принцип «служения учащимся». Как это ни удивительно, персонал школы и учащиеся официально заявляют о своих требованиях друг к другу. Атмосфера в этой школе с ее разумным, самокритичным и открытым подходом к планированию собственной деятельности и ее осуществлению такова, что учащимся доверяют и позволяют откровенно выражать свои требования к персоналу. Хотя вначале реакция некоторых сотрудников школы на эту, как они считали, «очень рискованную» стратегию по понятным причинам была осторожной, результаты оказались позитивными. Благодаря четкой позиции школы в данном вопросе учащиеся и сотрудники школы хорошо понимают, что произойдет, если они не будут выполнять требований, и это укрепляет уверенность учащихся в высоком качестве преподавания в школе.

Задача родителей состоит в том, чтобы держать в центре внимания, как продвигается учеба их дочерей. Перед каждой ученицей ставят определенные цели: в возрасте от 7 до 11 лет это происходит один раз в год, а в возрасте 12 и 13 лет — один раз в триместр. В конце года каждая девочка в полной мере участвует в составлении отчета по своей работе. Она обсуждает поставленные цели и их выполнение по каждому предмету, участвует в заполнении своего табеля, по которому определяется достигнутый уровень в национальной школьной программе, а также она должна передать общее содержание отчета своим родителям, которым на данном этапе вручают еще не сам отчет, а первое

уведомление о дате проведения «Дня учебных консультаций» в начале следующего осеннего триместра. Ученицы и их родители должны принять участие в этом ключевом событии в жизни школы, с тем чтобы обсудить и согласовать стоящие перед ними цели. Родители приходят за час до назначенного обсуждения. Они получают возможность вместе со своими дочерьми в удобной и неформальной обстановке ознакомиться с отчетом. Сотрудники школы считают это наиболее удачным мероприятием во всем процессе выработки целей. Родители ценят, что могут принять прямое участие в обучении своих дочерей и имеют обратную связь со школой в отношении их успеваемости. Они лучше представляют, как могут содействовать занятиям своих детей дома....